

Глава 10

— Зачем пришла? — спросил Су Лин, не тратя времени на любезности.

Юань Цзинцуй ничуть не смутилась. На её лице по-прежнему играла елейная улыбка. Повесив грудинку на ветку османтуса, она бесцеремонно примостилась на ступенях рядом с юношей.

Тот демонстративно отстранился. Сяо Хэй, обладавший завидным чутьём на людей, тут же залился звонким лаем, скаля на гостью свои крошечные острые зубки. Но чёрный щенок был слишком упитанным и забавным, чтобы напугать кого-то всерьёз, поэтому женщина просто проигнорировала его.

— Ах, тётушка ведь просто беспокоится! Ты в положении, а в этом доме ни условий, ни удобств, — заговорила она, пытаясь ласково похлопать племянника по руке.

«И чего ради я вожусь с этой колючкой? Если бы не те десять лянов да ещё серебро, что осталось от младшенького, и шагу бы сюда не сделала»

Су Лин вовремя отвёл руку.

«Так я и знал, — подумал он. — После того скандала она притащилась сюда только потому, что деньги до сих пор не дают ей покоя. Не успокоится, пока всё не выгребет»

При мысли о том, как при жизни из его отца тянули все жилы, а после смерти посягают на его наследство, Братец Лин почувствовал, как в сердце закипает глухая ярость. Он смерил собеседницу тяжёлым взглядом.

Юань Цзинцуй невольно поежилась, ощутив пробежавший по спине холодок. Но в следующее мгновение юноша опустил голову, подавляя гнев. Чтобы вернуть всё, что у него отобрали, придётся играть по её правилам.

— Тётушка, — глухо проговорил он, — а я уж грешным делом подумал, что после смерти отца я вам больше не племянник.

Женщина облегчённо выдохнула и запричитала:

— Глупое ты дитя! У тебя ведь, кроме дяди и меня, никого из близких не осталось. Как же я могу тебя бросить?

Почувствовав, что лёд тронулся, она поспешила развить успех:

— В тот день я просто места себе не находила от страха! Увидела, что ты притащил в дом какого-то бродягу... Перепугалась, что он тебя обидит, а я — не доглядела, не уберегла.

Она пристально посмотрела на Су Лина. Юноша сидел, обхватив колени руками; его кожа была белой и нежной, а густые ресницы подрагивали, словно веер.

«Надо же, какая красота пропадает, — мелькнула у неё мысль. — Жаль, что этому дикарю достанется»

— На каком ты уже месяце? — вкрадчиво спросила она.

Су Лин на мгновение замер. Стоило Юань Цзинцуй коснуться его плеча, как в его сознании отчётливо прозвучало:

«Хоть бы вытравил он его как-нибудь... Интересно, если плод скинет, заберёт ли тот негодяй свои деньги назад?»

Юноша едва сдержал холодную усмешку. Подняв на неё взгляд, полный сомнений, он произнёс, не подтверждая и не отрицая её догадок:

— Тётушка, мне просто неловко было и дальше стеснять вас в вашем доме. Там ведь не повернуться. А здесь хорошо, тихо... Пусто, правда, совсем, но я на днях съезжу в город и прикуплю всё необходимое.

«Вот оно что! Я всё гадала, почему в аптечных книгах пусто. Оказывается, этот пройдоха Синсянь всё серебро втайне сплавил братцу Лину. С виду честный был, а сам вон какую заначку припас!»

Су Лин внутренне изумился. Значит, тётушка тоже думала, что денег нет? А он-то подозревал их со старшим Ши в махинациях. Отец его всегда был кристально честен: налоги платил исправно, в двойную бухгалтерию не лез. Все расходы юноши всегда шли через общую кассу, и личных сбережений у него почти не водилось.

Сейчас у него в кошельке оставалось всего три лян серебра — он потратил два на покупку раба, — но это не помешало ему сочинять на ходу:

— Отец хоть и ушёл внезапно, но успел оставить мне кое-какое приданое. На первое время должно хватить.

Глаза Юань Цзинцуй хищно блеснули. Теперь она смотрела на племянника так, словно перед ней сидел мешок с монетами.

— Ах, деточка, если чего не хватает — ты только скажи! Не хочешь возвращаться — не надо, дело твоё. Но если что понадобится — сразу к тётушке. Мы ведь одна семья, я тебя с пелёнок знаю, неужто позволю тебе нужду терпеть? Рассказывай, чего тебе в первую очередь надобно?

Су Лин, сделав вид, что смущён, ответил:

— Вы же знаете, здесь шаром покати — одни голые стены. Столько всего нужно купить, не хочу я вас утруждать.

Лицо женщины на миг исказилось, будто от зубной боли, но она тут же выдавила улыбку:

— Ну какое же это утруждение? Для своих-то!

«Погоди у меня, малец. Прикормлю тебя немного, а потом заставлю всё до последней капли вернуть»

«Младшенький мой деверь был простаком, легко его было вокруг пальца обвести. Неужто сынок его хитрее уродился?»

Слыша эти мысли, Су Лин без тени стеснения выдал список:

— Мне нужны три табурета, стол, масло, соль и овощи. Рис закончился, посуды не хватает, одеял нет... Да и одежду мою, что в вашем доме осталась, нужно бы забрать.

С каждым новым пунктом лицо тётушки становилось всё мрачнее, но она лишь кивала, изо всех сил удерживая на губах улыбку.

«Отдам ему рухлядь, что из этого дома в деревню перевозили — старые стулья да прогнившие одеяла. Сойдёт для попрошайки»

Братец Лин, пристально глядя на неё, добавил:

— Тётушка, а я не слишком много прошу? Сами-то без этого не останетесь?

Юань Цзинцуй уже открыла рот, чтобы похвалить его за заботливость, как юноша продолжил:

— Вы же меня знаете. Я привык к хорошим вещам и не люблю пользоваться тем, что уже было в употреблении. Поэтому мне и неловко вас обременять просьбами о новом.

Лицо женщины окончательно «опало», вид у неё был почти жалкий.

«Мелочёвку ладно, отдам. Но новый гарнитур из наньму — ни за что!»

Эту мебель она берегла для свадьбы сына. В их краях был обычай: когда рождался ребёнок, в лесу выкапывали три саженца наньму и сажали во дворе. Деревья заботливо растили до совершеннолетия чада, а затем пускали на продажу или на изготовление приданого. Раньше их семья была бедной, и Юань Цзинцуй планировала просто продать древесину.

Но позже, когда они разбогатели за счёт Ши Синсяня, она решила шикануть. Чтобы не ударить в грязь лицом на свадьбе сына, она срубила три крепких дерева, наняла лучшего мастера и заказала роскошный гарнитур, покрытый сияющим жёлтым лаком. Одна лишь древесина по рыночным ценам стоила около девяти лянов — примерно по три за каждое бревно, — да ещё лянь ушёл на оплату работы плотника.

В городе за такой комплект попросили бы не меньше пятидесяти лянов. Она как-то раз заходила в мебельную лавку сравнить цены и потом долго ходила окрылённая от собственной удачливости.

Юань Цзинцуй натянуто рассмеялась:

— Посуду, одеяла и еду я тебе сегодня же пришлю. Овощи в огороде как раз поспели: и капуста, и баклажаны, и картофель — всё принесу.

Су Лин понимал, что мебель сразу не выбить, поэтому не стал давить. Сделав вид, что глубоко тронут, он прошептал:

— Спасибо, тётушка.

— Да брось ты, — та снова выдавила улыбку. — Свои ведь люди.

Затем она решила прощупать почву:

— Тот мужчина... он и вправду купленный раб?

Юноша кивнул:

— Одинок я теперь, вот и купил слугу, чтобы по хозяйству помогал.

Женщина крепко сжала его ладонь:

— Лин-эр, как же я тебя понимаю! Именно поэтому я так и спешила подыскать тебе мужа.

Она притворно вздохнула:

— Насчёт Мясника Юаня... я тут подумала — и впрямь он тебе не пара. Но ведь я как лучше хотела! У человека ремесло в руках, скотину бьёт, в городе своя лавка мясная... За таким мужем ты бы нужды не знал. Всё надёжнее, чем на землю спину гнуть да от погоды зависеть.

Су Лин мельком глянул на её руки — пухлые, в жирных складках, украшенные серебряным браслетом. На «землепашца» она походила меньше всего.

Несмотря на эти мысли, он поднял на неё глаза, в которых светился фальшивый интерес, и застенчиво пробормотал:

— Тётушка, а ведь человек-то, судя по вашим словам, достойный. Почему бы вам сестрицу Лань за него не выдать?

Когда Ши Синсянь был жив, Юань Цзинцуй мечтала пристроить дочь в город через его связи. Теперь же она искала другие пути.

Женщина на миг запнулась, а потом с сокрушённым видом произнесла:

— Ну что ты, деточка! О тебе ведь в первую очередь сердце болит. Дочь или племянник — вы мне все как родные.

Разумеется, она не собиралась признаваться, что хочет использовать брак Су Лина как трамплин для дочери. Мясник Юань был человеком со связями, поговаривали, что он даже собирается покупать дом в городе. Через него можно было бы найти для Ши Сяньлань жениха из городских.

Слушая её рассуждения, Су Лин только диву давался — какой громкий расчёт, как бы не обернулся он пустыми надеждами.

— Что ж, тётушка, я ещё присмотрюсь к нему, а там и решу, — пообещал он.

Лицо собеседницы просияло. Считая, что пришла не зря, она в прекрасном настроении отправилась домой. Правда, когда дело дошло до сбора вещей для юноши, она снова принялась причитать и жаловаться на дороговизну.

Старший Ши, наблюдавший за ней, лениво бросил, что овощи со своего огорода ничего не стоят, а масла и риса много давать не нужно. Мясник Юань вернётся дней через десять, тогда и свадьбу сыграют. А как Су Лин переедет в дом мужа, старое поместье опустеет, и все вещи вернутся обратно.

Только после этих слов Юань Цзинцуй немного успокоилась.

Когда она начала собирать одежду и украшения племянника, набрался целый сундук. Ши Сяньлань, завидев это богатство, тут же закатила истерику, требуя купить ей новой ткани на платья. Сбор урожая закончился, в деревнях началось время сватовства, и ей хотелось блистать на празднике факелов. Втайне она всё ещё надеялась на Сюэя Юаня, который учился в городе. Она считала себя не хуже городских девиц и верила, что, нарядившись, непременно покорит сердце учёного.

— Мама, на праздник Чжунъюань Сюэя Юань вернётся в деревню. Мне нужно новое платье!

— Даже не думай об этом нищем сироте! — отрезала Юань Цзинцуй, не поднимая головы от сундука.

— Да он с Су Лином всегда знался! Вы вечно твердите, что он беден, а он на тебя и не посмотрит.

— Так ведь Лин-эр за Мясника выходит! Если бы Сюэя его любил, давно бы что-нибудь предпринял. А так... он каждый раз, как в деревню идёт, мимо нашего дома проходит и на меня смотрит! Он обязательно сдаст экзамены и станет чиновником в столице. Это вам не мелкая сошка в нашем Цинши, перед столичными чиновниками все трепещут!

Лицо Ши Сяньлань озарилось мечтательной улыбкой. Видя, что мать её не слушает, она в ярости закричала, что та вечно потакает Су Лину, а на родную дочь денег жалеет.

— На мебель для брата деньги нашлись, а мне на наряд — жалко?! Мне замуж пора, а вы меня как замарашку держите!

Юань Цзинцуй пыталась урезонить дочь, говоря, что сейчас с деньгами туго, но Сяньлань только распалялась: в семье не было никаких трат, с чего бы деньгам кончиться?

Мать не могла признаться, что «золотая жила» в лице деверя иссякла, и, раздражённая, перестала обращать внимание на капризы дочери. Девушка продолжала рыдать и кричать, обвиняя родителей в том, что те заботятся о чужаке больше, чем о родной крови, пока в доме не стало совсем невмоготу. В конце концов, шестидесятилетняя мать Ши Синчжу, опираясь на посох, дрожащими руками достала связку из тысячи монет и отдала внучке, чтобы та наконец замолчала.

Тем временем в старом поместье, едва Юань Цзинцуй скрылась из виду, во дворе появился раб с рыбой в руках.

Су Лин даже не повёл бровью. Разговор с тётушкой и необходимость разыгрывать спектакль, подавляя гнев, выжали его без остатка.

Но вдруг произошло нечто необычное. Девятнадцатый подошёл и встал прямо перед ним. Его высокая тень закрыла солнце. Мужчина заговорил:

— Я могу зарабатывать плотницким делом.

Су Лин поднял на него взгляд. Впервые он увидел на лице этого человека такое серьёзное выражение. Не обратив внимания на его низкий, глубокий голос, юноша небрежно бросил:

— А, ну хорошо.

Он понятия не имел, много ли зарабатывают плотники; он знал лишь, что это тяжёлый труд.

Но мужчина с нажимом повторил:

— Плотницкое дело — это ремесло. Оно кормит.

Су Лин рассеянно кивнул и откинулся головой на деревянный столб крыльца. Закрыв глаза, он принялся обдумывать, как бы ещё вытрясти из дядюшки побольше вещей.

В тени широких плеч Девятнадцатого было уютно и прохладно. Убаюканный этим ощущением, юноша не заметил, как в душе обычно спокойного и сдержанного Су И поднялась волна странного, неведомого прежде смятения.

<http://bllate.org/book/15320/1354526>